

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshtamjoseph.ru/> Приятного чтения!

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам

* * *

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!
Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом,
Да видно нельзя никак...
Октябрь 1930.

АРМЕНИЯ

I

Как бык шестикрылый и грозный,
Здесь людям является труд
И, кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут...

II

Ты розу Гафиза колышешь
И нянчишь зверушек-детей,
Плечьми осьмигранными дышишь
Мужицких бычачьих церквей.
Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой.

III

Ты красок себе пожелала –
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.
Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,

Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.
Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.
И, крови моей не волнуя,
Как детский рисунок просты,
Здесь жены проходят, даруя
От львиной своей красоты.
Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы – кузнечные клещи
И каждое слово – скоба..
26 окт. – 16 ноября 1930.

IV

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра.
И почему-то мне начало утро армянское сниться;
Думал – возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,
Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки..
Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?
Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.
Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.
Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда!
21 окт. 1930.

V

Закутав рот, как влажную розу,

Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.
И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску.
25 окт. 1930.

VI

Руку платком обмотай и в венценосный шиповник,
В самую гущу его целлулоидных терний
Смело, до хруста, ее погрузи. Добудем розу без ножниц.
Но смотри, чтобы он не осыпался сразу –
Розовый мусор – муслин – лепесток соломоновый –
И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха.

VII

Орущих камней государство –
Армения, Армения!
Хриплые горы к оружию зовущая –
Армения, Армения!
К трубам серебряным Азии вечно летящая –
Армения, Армения!
Солнца персидские деньги щедро раздаривающая –
Армения, Армения!

VIII

Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса,
Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства,
Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки,
Виноградины с голубиное яйцо, завитки бараньих рогов
И нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные Византией.

IX

Холодно розе в снегу:

На Севане снег в три аршина..
Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани,
Сытых форелей усатые морды
Несут полицейскую службу
На известковом дне.
А в Эривани и в Эчмиадзине
Весь воздух выпила огромная гора,
Ее бы приманить какой-то окариной
Иль дудкой приручить, чтоб таял снег во рту.
Снега, снега, снега на рисовой бумаге,
Гора плывет к губам.
Мне холодно. Я рад..

X
О порфирные цокая граниты,
Спотыкается крестьянская лошадка,
Забираясь на лысый цоколь
Государственного звонкого камня.
А за нею с узелками сыра,
Еле дух переводя, бегут курдины,
Примирившие дьявола и Бога,
Каждому воздавши половину..
24/X 1930. Тифлис.

XI
Какая роскошь в нищенском селенье –
Волосяная музыка воды!
Что это? пряжа? звук? предупрежденье?
Чур-чур меня! Далеко ль до беды!
И в лабиринте влажного распева
Такая душная стрекочет мгла,
Как будто в гости водяная дева
К часовщику подземному пришла.
24 ноября 1930. Тифлис.

XII

я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну прищурясь
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

XIII

Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжною землей,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.
16 сент. – 5 ноября 1930 г. Тифлис.

* * *

Как люб мне натугой живущий,
Столетьем считающий год,
Рожающий, спящий, орущий,
К земле пригвожденный народ.
Твое пограничное ухо –
Все звуки ему хороши –
Желтуха, желтуха, желтуха
В проклятой горчичной глуши.
Октябрь 1930. Тифлис.

* * *

Не говори никому,
Все, что ты видел, забудь –
Птицу, старуху, тюрьму
Или еще что-нибудь.
Или охватит тебя,
Только уста разомкнешь,
При наступлении дня

Мелкая хвойная дрожь.

Вспомнишь на даче осу,

Детский чернильный пенал

Или чернику в лесу,

Что никогда не собирал.

Октябрь 1930. Тифлис.

* * *

Колючая речь араратской долины,

Дикая кошка – армянская речь,

Хищный язык городов глинобитных,

Речь голодающих кирпичей.

А близорукое шахское небо –

Слепорожденная бирюза –

Все не прочтет пустотелую книгу

Черною кровью запекшихся глин.

Октябрь 1930. Тифлис.

* * *

На полицейской бумаге верже

Ночь наглоталась колючих ершей –

Звезды поют, канцелярские птички,

Пишут и пишут свои рапортчики.

Сколько бы им ни хотелось мигать,

Могут они заявленье подать.

И на мерцанье, писанье и тленье

Возобновляют всегда разрешенье.

Октябрь 1930.

* * *

Дикая кошка – армянская речь –

Мучит меня и царапает ухо.

Хоть на постели горбатой прилечь:

О, лихорадка, о, злая моруха!

Падают вниз с потолка светляки,

Ползают мухи по липкой простыне,

И маршируют повзводно полки

Птиц голенастых по желтой равнине.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Страшен чиновник – лицо как тюфяк,

Нету его ни жалчей, ни нелепей,
Командированный – мать твою так! –
Без подорожной в армянские степи.
Пропадом ты пропади, говорят,
Сгинь ты навек, чтоб ни слуху, ни духу, –
Старый повытчик, награбив деньжат,
Бывший гвардеец, замыв оплеуху.
Грянет ли в двери знакомое: – Ба!
Ты ли, дружище, – какая издевка!
Долго ль еще нам ходить по гроба,
Как по грибы деревенская девка?..
Были мы люди, а стали людье,
И суждено – по какому разряду? –
Нам роковое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.
Ноябрь 1930. Тифлис.

* * *

И по-звериному воет людье
И по-людски куролесит зверье.
Чудный чиновник без подорожной,
Командированный к тачке острожной,
Он Черномора пригубил питье
В кислой корчме на пути к Эрзеруму.
Ноябрь 1930. Тифлис.

ЛЕНИНГРАД
Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.
Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! у меня еще есть адреса,

По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930. Ленинград.

* * *

С миром державным я был лишь ребячески связан,
Устриц боялся и на гвардейцев смотрел исподлобья –
И ни крупницей души я ему не обязан,
Как я ни мучил себя по чужому подобию.
С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой
Я не стоял под египетским портиком банка,
И над лимонной Невою под хруст сторублевой
Мне никогда, никогда не плясала цыганка.
Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных
Я убежал к nereидам на Черное море,
И от красавиц тогдашних – от тех европейнок нежных –
Сколько я принял смущенья, надсады и горя!
Так отчего ж до сих пор этот город довлеет
Мыслям и чувствам моим по старинному праву?
Он от пожаров еще и морозов наглее –
Самолюбивый, проклятый, пустой, молодежавый!
Не потому ль, что я видел на детской картинке
Лэди Годиву с распущенной рыжею гривой,
Я повторяю еще про себя под сурдинку:
Лэди Годива, прощай... Я не помню, Годива...

Январь 1931.

* * *

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин;
Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,
А не то веревок собери
Завязать корзину до зари,

Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

январь 1931, Ленинград.

* * *

Помоги, Господь, эту ночь прожить,
Я за жизнь боюсь, за Твою рабу...
В Петербурге жить – словно спать в гробу.
январь 1931.

* * *

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь.
Тихо живет – хорошо озорует,
Любишь – не любишь: ни с чем не сравнишь...
Любишь – не любишь, поймешь – не поймаешь.
Так почему ж, как подкидыш, дрожишь?
После полуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь.
март 1931. Москва.

* * *

Ночь на дворе. Барская лжа:
После меня хоть потоп.
Что же потом? Храп горожан
И толкотня в гардероб.
Бал-маскарад. Век-волкодав.
Так затверди ж назубок:
С шапкой в руках, шапку в рукав –
И да хранит тебя Бог.
март 1931. Москва.

* * *

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни – шерри – бренди, –
Ангел мой.
Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла

Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну, а мне – соленой пеной
По губам.
По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.

Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли, –
Все равно;

Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино.

Я скажу тебе с последней

Прямотой:

Все лишь бредни – шерри-бренди, –
Ангел мой.

Март 1931, Москва, Зоологич. Музей.

* * *

Колют ресницы. В груди прикипела слеза.
Чую без страха, что будет и будет гроза.
Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
Душно – и все-таки до смерти хочется жить.
С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук,
Дико и сонно еще озираясь вокруг,
Так вот бушлатник шершавую песню поет
В час, как полоской заря над острогом встает.

Март 1931. Москва.

* * *

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, –

Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,

Но не волк я по крови своей:

Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей..
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.
Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17–28 марта 1931.

* * *

Жил Александр Герцович,
Еврейский музыкант, –
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант.
И всласть, с утра до вечера,
Заученную вхруст,
Одну сонату вечную
Твердил он наизусть..
Что, Александр Герцович,
На улице темно?
Брось, Александр Скерцович, –
Чего там? Все равно!
Пускай там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит:
Нам с музыкой–голубою
Не страшно умереть,
А там – вороньей шубою
На вешалке висеть..
Все, Александр Сердцевич,
Заверчено давно.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Брось, Александр Скерцевич,

Чего там! Все равно!

27 марта 1931.

* * *

Нет, не спрятаться мне от великой муры

За извозчичью спину – Москву,

Я трамвайная вишенка страшной поры

И не знаю, зачем я живу.

Мы с тобою поедem на «А» и на «Б»

Посмотреть, кто скорее умрет,

А она то сжимается, как воробей,

То растет, как воздушный пирог.

И едва успевает грозить из дупла –

Ты как хочешь, а я не рискну!

У кого под перчаткой не хватит тепла,

Чтоб объехать всю курву Москву.

Апрель 1931

* * *

Я с дымящей лучиной вхожу

К шестипалой неправде в избу:

– Дай-ка я на тебя погляжу,

Ведь лежать мне в сосновом гробу.

А она мне соленых грибков

Вынимает в горшке из-под нар,

А она из ребячьих пупков

Подает мне горячий отвар.

– Захочу, – говорит, – дам еще... –

Ну, а я не дышу, сам не рад.

Шасть к порогу – куда там – в плечо

Уцепилась и тащит назад.

Тишь да глушь у нее, вошь да мша, –

Полуспаленка, полутюрьма...

– Ничего, хороша, хороша...

Я и сам ведь такой же, кума.

4 апр. 1931. Москва

* * *

Я пью за военные астры, за все, чем корили меня,
За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня.
За музыку сосен савойских, Полей Елисейских бензин,
За розу в кабине ролс – ройса, за масло парижских картин.
Я пью за бискайские волны, за сливок альпийских кувшин,
За рыжую спесь англичанок и дальних колоний хинин.
Я пью, но еще не придумал – из двух выбираю одно:
Веселое асти – спуманте иль папского замка вино.

11 апреля 1931

Рояль

Как парламент, жующий фронду,
Вяло дышит огромный зал –
Не идет Гора на Жиронду,
И не крепнет сословий вал.
Оскорбленный и оскорбитель,
Не звучит рояль-Голиаф –
Звуколюбец, душемутитель,
Мирабо фортепьянных прав.
Разве руки мои – кувалды?
Десять пальцев – мой табунок!
И вскочил, отряхая фалды,
Мастер Генрих – конек-горбунок.
Не прелюды он и не вальсы
И не Листа листал листы –
В нем лились и переливались
Волны внутренней правоты.
Чтобы в мире стало просторней,
Ради сложности мировой,
Не втирайте в клавиши корень
Сладковатой груши земной.
Чтоб смолою соната джина
Проступила из позвонков,
Нюрнбергская есть пружина,
Выпрямляющая мертвецов.

16 апреля 1931.

* * *

– Нет, не мигрень, – но подай карандаш ментоловый. –

Ни поволоки искусства, ни красок пространства веселого!

Жизнь начиналась в корыте картовою мокрою шопотью,

И продолжалась она керосиновой мягкой копотью.

Где-то на даче потом, в лесном переплете шагреновом,

Вдруг разгорелась она почему-то огромным пожаром

сиреневым...

– Нет, не мигрень, но подай карандаш ментоловый, –

Ни поволоки искусства, ни красок пространства веселого!

Дальше, сквозь стекла цветные, сощурясь, мучительно вижу я:

Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина рыжая...

Дальше – еще не припомню – и дальше как будто оборвано:

Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью...

– Нет, не мигрень, но холод пространства бесполого,

Свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой!

23 апр. – июль 1935. Воронеж.

* * *

«Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»

А. А. А [хматовой]

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,

За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.

Так вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,

Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,

я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, –

Обещаю построить такие дремучие срубы,

Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти древние плахи –

Как нацелясь на смерть городки зашибают в саду, –

я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе

и для казни петровской в лесу топориче найду.

3 мая 1931. Хмельницкая.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru

КАНЦОНА

Неужели я увижу завтра –

Слева сердце бьется, слава лейся –

Вас, банкиры горного ландшафта,

Вас, держатели могучих акций гнейса?

То зрачок профессорский орлиный, –

Египтологи и нумизматы –

Эти птицы сумрачно-хохлатые

С жестким мясом и широкою грудиной.

То Зевес подкручивает с толком

Золотыми пальцами краснодеревца

Замечательные луковицы-стекла –

Прозорливцу дар от псалмопевца.

Он глядит в бинокль прекрасный Цейса –

Дорогой подарок царь – Давида, –

Замечает все морщины гнейса,

Где сосна иль деревушка-гнида.

Я покину край гипербореев,

Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,

Я скажу «селям» начальнику евреев

За его малиновую ласку.

Край небритых гор еще неясен,

Мелколесья колетса щетина,

И свежа, как вымытая басня,

До оскомины зеленая долина.

Я люблю военные бинокли

С ростовщической силой зренья.

Две лишь краски в мире не поблекли:

В желтой – зависть, в красной – нетерпенье.

26 мая 1931

ПОЛНОЧЬ В МОСКВЕ

Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето.

С дроботом мелким расходятся улицы в чоботах узких железных.

В черной оспе блаженствуют кольца бульваров...

Нет на Москву и ночью угомону,

Когда покой бежит из-под копыт...
Ты скажешь – где-то там на полигоне
Два клоуна засели – Бим и Бом,
И в ход пошли гребенки, молоточки,
То слышится гармоника губная,
То детское молочное пьянино:
– До-ре-ми-фа
И соль-фа-ми-ре-до.
Бывало, я, как помоложе, выйду
В проклеенном резиновом пальто
В широкую разлаплицу бульваров,
Где спичечные ножки цыганочки в подоле бьются длинном,
Где арестованный медведь гуляет –
Самой природы вечный меньшевик.
И пахло до отказу лавровишней...
Куда же ты? Ни лавров нет, ни вишен...
я подтяну бутылочную гирьку
Кухонных, крупно скачущих часов.
Уж до чего шероховато время,
А все-таки люблю за хвост его ловить,
ведь в беге собственном оно не виновато
Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...
Чур, не просить, не жаловаться! Цыц!
Не хныкать –
для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?
Мы умрем, как пехотинцы,
Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи.
Есть у нас паутинка шотландского старого пледа.
Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру.
Выпьем, дружок, за наше ячменное горе,
Выпьем до дна...
Из густо отработавших кино,
Убитые, как после хлороформа,

Выходят толпы – до чего они венозны,
И до чего им нужен кислород...
Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать, –
Ручаюсь вам – себе свернете шею!
Я говорю с эпохой, но разве
Душа у ней пеньковая и разве
Она у нас постыдно прижилась,
Как сморщенный зверек в тибетском храме:
Почешется и в цинковую ванну.
– Изобрази еще нам, Марь Иванна.
Пусть это оскорбительно – поймите:
Есть блуд труда и он у нас в крови.
Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
Он с Моцартом в Москве души не чает –
За карий глаз, за воробьиный хмель.
И словно пневматическую почту
Иль студенец медузы черноморской
Передают с квартиры на квартиру
Конвейером воздушным сквозняки,
Как майские студенты – шелапуты.
Май – 4 июня 1932
* * *
Еще далеко мне до патриарха,
Еще на мне полупочтенный возраст,
Еще меня ругают за глаза
На языке трамвайных перебранок,
В котором нет ни смысла, ни аза:
Такой, сякой! Ну что ж, я извиняюсь,
Но в глубине ничуть не изменяюсь.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Когда подумаешь, чем связан с миром,

То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильма воровской.
Я, как щенок, бросаюсь к телефону
На каждый истерический звонок.
В нем слышно польское: «Дзенкую, пане!»,
Иногородний ласковый упрек
Иль неисполненное обещанье.
Все думаешь, к чему бы приохотиться
Посреди хлопушек и шутих, –
Перекипишь, а там, гляди, останется
Одна сумятица да безработица:
Пожалуйста, прикуривай у них!
То усмехнусь, то робко приосанюсь
И с белокурой тростью выхожу;
Я слушаю сонаты в переулках,
У всех лотков облизываю губы,
Листаю книги в глыбких подворотнях –
И не живу, но все-таки живу.
Я к воробьям пойду и к репортерам,
Я к уличным фотографам пойду, –
И в пять минут – лопатой из ведерка –
Я получу свое изображение
Под конусом лиловой Шах-горы.
Или еще пущусь на побегушки
В распаренные душные подвалы,
Где чистые и честные китайцы
Хватают палочками шарики из теста,
Играют в узкие нарезанные карты
И водку пьют, как ласточки с Ян-цзы.
Люблю разъезды скворчащих трамваев,
И астраханскую икру асфальта,

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Накрытого соломенной рогожей,

Напоминающей корзинку асти,
И страусовые перья арматуры
В начале стройки ленинских домов.
Вхожу в вертепы чудные музеев,
Где пучатся кашеевы Рембрандты,
Достигнув блеска кордованской кожи,
Дивлюсь рогатым митрам Тициана
И Тинторетто пестрому дивлюсь
За тысячу крикливых попугаев.
И до чего хочу я разыгаться,
Разговориться, выговорить правду,
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду,
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков,
Сказать ему: нам по пути с тобой.
Июль-сентябрь 1931. Москва.

* * *

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!

я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер франсуа.
Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.
Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
что возмужали дождевые черви,
И вся Москва на яликах плывет.
Не волноваться. Нетерпенье – роскошь,
я постепенно скорость разовью –
Холодным шагом выйдем на дорожку –
Я сохранил дистанцию мою.
7 июня 1931. Москва.

* * *

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru
Сегодня можно снять декалькомани,

Мизинец окунув в Москву-реку,
С разбойника Кремля. Какая прелесть
Фисташковые эти голубятни:
Хоть проса им насыпать, хоть овса...
А в недорослях кто? Иван Великий –
Великовозрастная колокольня –
Стоит себе еще болван болваном
Который век. Его бы за границу,
Чтоб доучился... Да куда там! Стыдно!
Река Москва в четырехтрубном дыме
И перед нами весь раскрытый город:
Купальщички-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное нутро?
Белогвардейцы, вы его видали?
Рояль Москвы слышали? Гули-гули!
Мне кажется, как всякое другое,
Ты, время, незаконно. Как мальчишка
За взрослыми в морщинистую воду,
Я, кажется, в грядущее вхожу,
И, кажется, его я не увижу...
Уж я не выйду в ногу с молодежью
На разлинованные стадионы,
Разбуженный повесткой мотоцикла,
Я на рассвете не вскочу с постели,
В стеклянные дворцы на курьих ножках
Я даже тенью легкой не войду.
Мне с каждым днем дышать все тяжелее,
А между тем нельзя повременить...
Ведь рождены для наслажденья бегом
Лишь сердце человека и коня.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru
А Фауста бес – сухой и моложавый –

Вновь старику кидается в ребро
И подбивает взять почасно ялик,
Или махнуть на Воробьевы горы,
Иль на трамвае охлестнуть Москву.
Ей некогда. Она сегодня в няньках.
Все мечется. На сорок тысяч люлек
Она одна – и пряжа на руках.
Лето 1931.

ФАЭТОНЩИК
На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали –
Было страшно, как во сне.
Нам попался фаэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола поденщик,
Односложен и угрюм.
То гортанный крик араба,
То бессмысленное «цо», –
Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо:
Под кожевенною маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.
И пошли толчки, разгоны,
И не слезть было с горы –
Закружились фаэтоны,
Постоялые дворы...
Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил – черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Он безносой канителью

Правит, душу веселя,
чтоб крутилась каруселью
Кисло-сладкая земля...
Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше,
я изведаль эти страхи,
Соприродные душе.
Сорок тысяч мертвых окон
Там глядят со всех сторон,
и труда бездушный кокон
На горе похоронен.
и бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно- синяя чума.
12 июня 1931.

* * *
Как народная громада,
Прошибая землю в пот,
Многоярусное стадо
Пропыленной армадой
Ровно в голову плывет:
Телки с нежными боками
и бычки-баловники,
А за ними кораблями
Буйволицы с буйволами
и священники-быки.
12 июня 1931. Москва

* * *
О, как мы любим лицемерить
и забываем без труда
О том, что в детстве ближе к смерти,
чем в наши зрелые года.
Еще обиду тянет с блюда

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Невыспавшееся дитя,

А мне уж не на кого дуться

И я один на всех путях.

Линяет зверь, играет рыба

В глубоком обмороке вод,

И не глядеть бы на изгибы

Людских страстей, людских забот.

Апрель 1932.

* * *

«Там, где купальни-бумагопрядильни...»

[С. А. К.]

Там, где купальни-бумагопрядильни

И широчайшие зеленые сады,

На реке Москве есть светоговорильня

С гребешками отдыха, культуры и воды.

Эта слабогрудая речная волокита,

Скучные-нескучные, как халва, холмы,

Эти судоходные марки и открытки,

На которых носимся и несемся мы.

У реки Оки вывернуто веко,

Оттого-то и на Москве ветерок.

У сестрицы Клязьмы загнулась ресница,

Оттого на Яузе утка плывет.

На Москве-реке почтовым пахнет клеем,

Там играют Шуберта в раструбы рупоров.

Вода на булавках и воздух нежнее

Лягушиной кожи воздушных шаров.

Апрель 1932.

ЛАМАРК

Был старик, застенчивый как мальчик,

Неуклюжий, робкий патриарх...

Кто за честь природы фехтовальщик?

Ну, конечно, пламенный Ламарк.

Если все живое лишь помарка

За короткий выморочный день,

На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.
Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.
Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.
Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.
И от нас природа отступила –
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в темные ножны.
И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...
7–9 мая 1932.

* * *
Когда в далекую Корею
Катился русский золотой,
Я убегал в оранжерею,
Держа ириску за щекой.
Была пора смешливой бульбы
И щитовидной железы,

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Была пора Тараса Бульбы

И подступающей грозы.
Самоуправство, своеволие,
Поход троянского коня,
А над пленницей посольство
Эфира, солнца и огня.
Был от поленьев воздух жирен,
Как гусеница, на дворе,
И Петропавловску-Цусиме
Ура на дровяной горе..
К царевичу младому Хлору
И – Господи благослови! –
Как мы в высоких голенищах
За хлороформом в гору шли.
Я пережил того подростка,
И широка моя стезя –
Иные сны, другие гнезда,
Но не разбойничать нельзя.
11–13 мая 1932, 1935.

НОВЕЛЛИНО
Вы помните, как бегуны
У Данта Алигьери
Соревновались в честь весны
В своей зеленой вере.
По темнobarхатным холмам
В сафьяновых сапожках
Они пестрели по лугам,
Как маки на дорожках.
Уж эти мне говоруны –
Бродяги–флорентийцы,
Отъявленные все лгуны,
Наемные убийцы.
Они под звон колоколов
Молились Богу спьяну,

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Они дарили соколов

Турецкому султану.

Увы, растаяла свеча

Молодчиков каленых,

Что хаживали вполплеча

В камзольчиках зеленых,

Что пересиливали срам

И чумную заразу,

И всевозможным господам

Прислуживали сразу.

И нет рассказчика для жен

В порочных длинных платьях,

Что проводили дни как сон

В пленительных занятиях:

Топили воск, мотали шелк,

Учили попугаев

И в спальню, видя в этом толк,

Пускали негодяев.

22 мая 1932. Москва.

«Вы помните, как бегуны...» [вариант]

Вы помните, как бегуны

В окрестностях Вероны

Уже разматывать должны

Кусок сукна зеленый?

Но всех других опередит

Тот самый, тот – который

Из книги Данта убежит,

Ведя по кругу споры.

Москва, май 1932 – Воронеж, сентябрь 1935

ИМПРЕССИОНИЗМ

Художник нам изобразил

Глубокий обморок сирени

И красок звучные ступени

На холст, как струпья, положил.

Он понял масла густоту –
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.
А тень-то, тень все лиловойй,
Смычек иль хлыст, как спичка, тухнет, –
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.
Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом солнечном развале
Уже хозяйничает шмель.
23 мая 1932. Москва.

* * *

Дайте Тютчеву стрекозу –
Догадайтесь почему!
Веневитинову – розу.
Ну, а перстень – никому.
Баратынского подошвы
Раздражают прах веков,
У него без всякой прошвы
Наволочки облаков.
А еще над нами волен
Лермонтов, мучитель наш,
И всегда одышкой болен
Фета жирный карандаш.
А еще богохранима
На гвозде торчит всегда
У ворот Ерусалима
Хомякова борода.
Май 1932. Москва.

БАТЮШКОВ
Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
По переулкам шагает в Замостье,

Нюхает розу и Зафну поет.

Ни на минуту не веря в разлуку,

Кажется, я поклонился ему:

В светлой перчатке холодную руку

Я с лихорадочной завистью жму.

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.

И не нашел от смущения слов:

– Ни у кого – этих звуков изгибы...

– И никогда – этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,

Косноязычный, с собой он принес –

Шум стихотворства и колокол братства

И гармонический проливень слез.

И отвечал мне оплакавший Тасса:

– Я к величаньям еще не привык;

Только стихов виноградное мясо

Мне освежило случайно язык...

Что ж! Поднимай удивленные брови

Ты, горожанин и друг горожан,

Вечные сны, как образчики крови,

Переливай из стакана в стакан...

18 июня 1932. Москва

СТИХИ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

I

Сядь, Державин, развалился, –

Ты у нас хитрее лиса,

И татарского кумыса

Твой початок не прокис.

Дай языкову бутылку

И подвинь ему бокал.

Я люблю его ухмылку,

Хмеля бьющуюся жилку

И стихов его накал.

II

Гром живет своим накатом –
Что ему до наших бед?
И глотками по раскатам
Наслаждается мускатом
На язык, на вкус, на цвет.
Капли прыгают галопом,
Скачут градины гурьбой,
Пахнет городом, потопом,
Нет – жасмином, нет – укропом,
Нет – дубовою корой.
Зашумела, задрожала,
Как смоковницы листва,
До корней затрепетала
С подмосковными Москва.
Катит гром свою тележку
По торцовой мостовой,
И расхаживает ливень
С длинной плеткой ручьевою.
И угодливо поката
Кажется земля, пока
И в сапожках мягких ката
Выступают облака.
Капли прыгают галопом,
Скачут градины гурьбой
С рабским потом, конским топом
И древесною молвой.

III

С. А. К.
Полюбил я лес прекрасный,
Смешанный, где козырь – дуб,
В листьях клена перец красный,
В иглах – ёж-черноголуб.

Там фисташковые молкнут
Голоса на молоке,
И когда захочешь щелкнуть,
Правды нет на языке.
Там живет народец мелкий –
В желудевых шапках все –
И белок кровавый белки
Крутят в страшном колесе.
Там щавель, там вымя птичье,
Хвой павлинья кутерьма,
Ротозейство и величье
И скорлупчатая тьма.
Тычут шпагами шишиги,
В треуголках носачи,
На углях читают книги
С самоваром палачи.
А еще грибы–волнушки,
В сбруе тонкого дождя,
Вдруг подымутся с опушки –
Так, немного погодя...
Там без выгоды уроды
Режутся в девятый вал,
Храп коня и крап колоды –
Кто кого? Пошел развал...
И деревья – брат на брата –
Восстают. Понять спеша:
До чего аляповаты,
До чего как хороши!
3–7 июля 1932. Москва.

К НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ
Б. С. Кузину.

Себя губя, себе противореча,
Как моль летит на огонек полночный,
Мне хочется уйти из нашей речи

За все, чем я обязан ей бессрочно.
Есть между нами похвала без лести
И дружба есть в упор, без фарисейства –
Почимся ж серьезности и чести
На западе у чуждого семейства.
Поэзия, тебе полезны грозы!
Я вспоминаю немца-офицера,
И за эфес его цеплялись розы,
И на губах его была Церера...
Еще во Франкфурте отцы зевали,
Еще о Гете не было известий,
Слагались гимны, кони гарцевали
И, словно буквы, прыгали на месте.
Скажите мне, друзья, в какой Валгалле
Мы вместе с вами щелкали орехи,
Какой свободой мы располагали,
Какие вы поставили мне вехи.
И прямо со страницы альманаха,
От новизны его первостатейной,
Сбегали в гроб ступеньками, без страха,
Как в погребок за кружкой мозельвейна.
Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.
Когда я спал без облика и склада,
Я дружбой был, как выстрелом, разбужен.
Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада
Иль вырви мне язык – он мне не нужен.
Бог Нахтигаль, меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен.
Звук сузился, слова шипят, бунтуют,
Но ты живешь, и я с тобой спокоен.
8 – 12 августа 1932.

АРИОСТ

Во всей Италии приятнейший, умнейший,
Любезный Ариост немножечко охрип.
Он наслаждается перечисленьем рыб
И перчит все моря нелепицею злейшей.
И, словно музыкант на десяти цимбалах,
Не уставая рвать повествований нить,
Ведет туда-сюда, не зная сам, как быть,
Запутанный рассказ о рыцарских скандалах.
На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси –
Он завирается, с Орландом куролеся,
И содрогается, преображаясь весь.
И морю говорит: шуми без всяких дум,
И деве на скале: лежи без покрывала..
Рассказывай еще – тебя нам слишком мало,
Покуда в жилах кровь, в ушах покуда шум.
О город ящериц, в котором нет души, –
Когда бы чаще ты таких мужей рожала,
Феррара черствая! Который раз сначала,
Покуда в жилах кровь, рассказывай, спеши!
В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея,
А он вельможится все лучше, все хитрее
И улыбается в открытое окно –
Ягненку на горе, монаху на осляти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока,
И в сетке синих мух уснувшему дитяти.
А я люблю его неистовый досуг –
Язык бессмысленный, язык солено – сладкий
И звуков стакнутых прелестные двойчатки..
Боюсь раскрыть ножом двухстворчатый жемчуг.
Любезный Ариост, быть может, век пройдет –

В одно широкое и братское лазорье
Сольем твою лазурь и наше черноморье.
И мы бывали там. И мы там пили мед..
4–6 мая 1933. Старый Крым.

АРИОСТ. [вариант]
В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.
О, если б распахнуть, да как нельзя скорее,
На Адриатику широкое окно.
Над розой мускусной жужжание пчелы,
В степи полуденной – кузнечик мускулистый.
Крылатой лошади подковы тяжелы,
Часы песочные желты и золотисты.
На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси,
Как плющ назойливый, цепляющийся весь,
Он мужественно врет, с Орландом куролеса.
Часы песочные желты и золотисты,
В степи полуденной кузнечик мускулистый –
И прямо на луну взлетает враль плечистый..
Любезный Ариост, посольская лиса,
Цветущий папоротник, парусник, столетник,
Ты слушал на луне овсянок голоса,
А на дворе у рыб – ученый был советник.
О, город ящериц, в котором нет души, –
От ведьмы и судьи таких сынов рожала
Феррара черствая и на цепи держала,
И солнце рыжего ума взошло в глуши.
Мы удивляемся лавчонке мясника,
Под сеткой синих мух уснувшему дитяти,
Ягненку на горе, монаху на осляти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока, –
И свежей, как заря, удивлены утрате..

Старый Крым, 4–6 мая 1933. – Воронеж – 1936

* * *

Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг –
язык бессмысленный, язык солено–сладкий.
И звуков стакнутых прелестные двойчатки –
Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг.
Старый Крым, май 1933.

* * *

Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть:
Ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить.
Ведь умирающее тело и мыслящий бессмертный рот
В последний раз перед разлукой чужое имя не спасет.
О, как мучительно дается чужого клекота почет –
За беззаконные восторги лихая плата стережет.
Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз?
И в наказание за гордыню, неисправимый звуколюб,
Получишь укусную губку ты для изменнических губ.
Старый Крым, май 1933.

* * *

Холодная весна. Голодный Старый Крым,
Как был при Врангеле – такой же виноватый.
Овчарки на дворе, на рубищах заплаты,
Такой же серенький, кусающийся дым.
Всё так же хороша рассеянная даль –
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят, как пришлые, и вызывает жалость
Вчерашней глупостью украшенный миндаль.
Природа своего не узнает лица,
А тени страшные Украины, Кубани...
Как в туфлях войлочных голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...
Старый Крым, май 1933

* * *

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы кует за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.
Ноябрь 1933.

* * *

Квартира тиха как бумага –
Пустая, без всяких затей, –
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.
Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.
А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.
Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.
Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
и грозное баюшки-баю

Кулацкому баю пою.
Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.
Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель,
Такую ухлопает моль.
И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.
Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать,
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.
И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.
Ноябрь 1933 Москва, Фурманов переулок

* * *
У нашей святой молодежи
Хорошие песни в крови –
На баюшки-баю похожи
И баю борьбу объяви.
И я за собой примечаю
И что-то такое пою:
Колхозного бая качаю,
Кулацкого пая пою.
Ноябрь 1933.

* * *
Татары, узбеки и ненцы,

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
И весь украинский народ,
И даже приволжские немцы
К себе переводчиков ждут.
И, может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И в самую душу проник.

ВОСЬМИСТИШИЯ

I

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И дугами парусных гонок
Зеленые формы чертя,
Играет пространство спросонок –
Не знавшее люльки дитя.
Ноябрь 1933, Москва. Июль 1935, Воронеж.

II. [Вариант]

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И так хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.
Ноябрь 1933, Москва.

III

О, бабочка, о мусульманка,
В разрезанном саване вся, –
Жизняночка и умирашка,
Такая большая – сия!

С большими усами кусава
Ушла с головою в бурнус.
О, флагом развернутый саван,
Сложи свои крылья – боюсь!
Ноябрь 1933, Москва.

IV

Шестого чувства крохотный придаток
Иль ящерицы теменной глазок,
Монастыри улиток и створчаток,
Мерцающих ресничек говорок.
Недостижимое, как это близко –
Ни развязать нельзя, ни посмотреть, –
Как будто в руку вложена записка
И на нее немедленно ответь...
Май 1932, Москва.

V

Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон.
В земной коре юродствуют породы,
И как руда из груди рвется стон.
И тянется глухой недоразвиток
Как бы дорогой, согнутою в рог,
Понять пространства внутренний избыток
И лепестка и купола залог.
Январь – февраль 1934, Москва.

VI

Когда, уничтожив набросок,
Ты держишь прилежно в уме
Период без тягостных сносок,
Единый во внутренней тьме,
И он лишь на собственной тяге
Зажмурившись, держится сам,

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Он так же отнесся к бумаге,

Как купол к пустым небесам.

Ноябрь 1933, Москва.

VII

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме,

И Гете, свищущий на вьющейся тропе,

И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,

Считали пульс толпы и верили толпе.

Быть может, прежде губ уже родился шопот

И в бездревесности кружились листья,

И те, кому мы посвящаем опыт,

До опыта приобрели черты.

Январь 1934, Москва.

VIII

И клена зубчатая лапа

Купается в круглых углах,

И можно из бабочек крапа

Рисунки слагать на стенах.

Бывают мечети живые –

И я догадался сейчас:

Быть может, мы Айя-София

С бесчисленным множеством глаз.

Ноябрь 1933 – январь 1934, Москва

IX

Скажи мне, чертежник пустыни,

Арабских песков геометр,

Ужели безудержность линий

Сильнее, чем дующий ветер?

– Меня не касается трепет

Его иудейских забот –

Он опыт из лепета лепит

И лепет из опыта пьет...

Ноябрь 1933, Москва.

X

В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наважденье причин,
Касаемся крючьями малых,
Как легкая смерть, величин.
И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит,
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.
Ноябрь 1933, Москва.

XI

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосознание причин.
И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей, –
Безлиственный, дикий лечебник,
Задачник огромных корней.
Ноябрь 1933, Москва.

* * *

«Голубые глаза и горячая лобная кость...»

Памяти Андрея Белого.

Голубые глаза и горячая лобная кость –
Мировая манила тебя молодящая злость.
И за то, что тебе суждена была чудная власть,
Положили тебя никогда не судить и не клясть.
На тебя надевали тиару – юрода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!
Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек:
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...
Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец...

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей

Под морозную пыль образуемых вновь падежей.
Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь,
Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?
Прямизна нашей речи не только пугач для детей –
Не бумажные дести, а вести спасают людей.
Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мертвого жирные карандаши.
На коленях держали для славных потомков листы,
Рисовали, просили прощенья у каждой черты.
Меж тобой и страной ледяная рождается связь –
Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно прямась.
Да не спросят тебя молодые, грядущие те,
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте...

10 января 1934, Москва

10 ЯНВАРЯ 1934.
Памяти Андрея Белого

Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна...
О Боже, как черны и синеглазы
Стрекозы смерти, как лазурь черна.
Где первородство? где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? где горькая украдка?
Где ясный стан? где прямизна речей,
Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой, –
Железный пух в морозной крутят тяге,
С голуботвердой чокаясь рекой.
Ему солей трехъярусных растворы,
И мудрецов германских голоса,
И русских первенцев блистательные споры
Представились в полвека, в полчаса.
И вдруг открылась музыка в засаде,

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Уже не хищницей лиясь из-под смычков,

Не ради слуха или неги ради,
Лиясь для мышц и бьющихся висков,
Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот –
Сон в оболочке сна, внутри которой снилось
На полшага продвинуться вперед.

А посреди толпы стоял гравировальщик,
Готовясь перенести на истинную медь
То, что обугливший бумагу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.
Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь, –
Доколе не сорвусь, разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь...

16 января 1934.

* * *

А посреди толпы, задумчивый, брадатый,
Уже стоял гравер – друг меднохвойных досок,
Трехъярой окисью облитых в лоск покатый,
Накатом истины сияющих сквозь воск.
Как будто я повис на собственных ресницах
В толпокрылатом воздухе картин
Тех мастеров, что насаждают в лицах
Порядок зрения и многолюдства чин.

Январь 1934, Москва.

* * *

Когда душе и торопкой и робкой
Предстанет вдруг событий глубина,
Она бежит виющеюся тропкой,
Но смерти ей тропина не ясна.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Он, кажется, дичился умиранья

Застенчивостью славной новичка
Иль звука первенца в блистательном собраньи,
Что льется внутрь – в продольный лес смычка,
И льется вспять, еще ленясь и мерясь
То мерой льна, то мерой волокна,
И льется смолкой, сам себе не верясь,
Из ничего, из нити, из темна, –
Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки,
Крупнозернистого покоя и добра.
январь 1934. Москва.

* * *
Ему кавказские кричали горы
И нежных Альп стесненная толпа,
На звуковых громад крутые всхоры
Его вступала зрячая стопа.
И европейской мысли разветвленье
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явленья,
И Лия пела и плела венки.
январь 1934. Москва.

* * *
Он дирижировал кавказскими горами
И машучи вступал на тесных Альп тропы,
И, озираючись, пугливыми шагами
Шел через разговор бесчисленной толпы.
Толпы умов, событий, впечатлений
И европейской мысли разветвленье
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явлений,
И Лия пела и плела венки.
январь 1934. Москва

* * *
Откуда привезли? Кого? который умер?

Где <именно>? * Мне что-то невдомек.
Скажите, говорят, какой-то гоголь умер.
Не гоголь, так себе, писатель-гоголек.
Тот самый, что тогда невнятицу устроил,
Чего-то шустрился, довольно уж легок,
О чем-то позабыл, чего-то не усвоил,
Затеял кавардак, перекрутил снежок.
Молчит, как устрица, на полтора аршина
К нему не подойти – почетный караул.
Тут что-то кроется, должно быть, есть причина.
<...>[1] напутал и уснул.

10 января 1934. Москва

10 января 1934. [вариант I]

1

Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна..
О, Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти – как лазурь черна!
Где первородство? Где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? Где горькая украдка?
Где ясный стан? Где прямизна речей,
Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой,
Когда скользит, исполненный отваги,
С голуботвердой чокаясь рекой.
Он дирижировал кавказскими горами
И машучи ступал на тесных Альп тропы
И озираючись пустынными берегами
Шел, чуя разговор бесчисленной толпы.
Толпы умов, влияний, впечатлений
Он перенес, как лишь могущий мог.
Рахиль гляделась в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венки.

2

Когда душе столь торопкой, столь робкой
Предстанет вдруг событий глубина,
Она бежит виющеюся тропкой,
Но смерти ей тропина не ясна.
Он, кажется, дичился умиранья
Застенчивостью славной новичка
Иль звука-первенца в блистательном собраньи,
Что льется внутрь в продольный лес смычка.
И льется вспять, еще ленясь и мерясь,
То мерой льна, то мерой волокна,
И льется смолкой, сам себе не верясь,
Из ничего, из нити, из темна.
Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

3

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот.
Сон в оболочке сна, внутри которой снилось
На полшага продвинуться вперед.
А посреди толпы стоял гравировальщик,
Готовый перенести на истинную медь
То, что обугливший бумагу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.
Как будто я повис на собственных ресницах
И созревающий и тянущийся весь, –
Доколе не сорвусь – разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь.
16–22 января 1934.

10 ЯНВАРЯ 1934 ГОДА. [Вариант II]

1

Меня преследуют две–три случайных фразы:

Весь день твержу: печаль моя жирна...

О Боже, как жирны и синеглазы

Стрекозы смерти, как лазурь черна.

Где первородство, где счастливая повадка,

Где плавкий ястребок на самом дне очей,

Где вежество? где горькая украдка?

Где ясный стан, где прямизна речей,

Запутанных, как честные зигзаги

У конькобежца в пламень голубой –

Морозный пух в железной крутят тяге,

С голуботвердой чокаясь рекой.

Ему солей трехъярусных растворы,

И мудрецов германских голоса,

И русских первенцев блистательные споры

Представились в полвека, в полчаса.

Ему кавказские кричали горы

И нежных Альп стесненная толпа,

На звуковых громад крутые всхоры

Его ступала зрячая стопа.

И европейской мысли разветвленье

Он перенес, как лишь могущий мог:

Рахиль глядела в зеркало явленья,

А Лия пела и плела венки.

2

И вдруг открылась музыка в засаде,

Уже не хищницей лиясь из–под смычков,

Не ради слуха или неги ради.

Лиясь для мышц и бьющихся висков,

Лиясь для ласковой, только что снятой, маски,

Для пальцев гипсовых, не держащих пера,

Для укрупненных губ, для укрепленной ласки

Крупнозернистого покоя и добра.

3

Когда душе и торопкой и робкой
Предстанет вдруг событий глубина,
Она бежит виющуюся тропкой,
Но смерти ей тропина не ясна.
Он, кажется, дичился умиранья
Застенчивостью славной новичка,
Иль звука первенца в блистательном собрании,
Что льется внутрь, в продольный лес смычка,
И льется вспять, еще ленясь и мерясь,
То мерой льна, то мерой волокна,
И льется смолкой, сам себе не верясь,
Из ничего, из нити, из темна..
Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

4

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот –
Сон в оболочке сна, внутри которой снилось
На полшага продвинуться вперед.
А посреди толпы – стоял гравировальщик,
Готовый перенести на истинную медь
То, что обугливший бумагу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.
Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь,
Доколе не сорвусь – разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь...

10 ЯНВАРЯ 1934 ГОДА. [Вариант III]

1

Памяти Б. Н. Бугаева (Андрея Белого)

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Меня преследуют две-три случайных фразы,

Весь день твержу: печаль моя жирна.
О, Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти, как лазурь черна!
Где первородство? Где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? Где горькая украдка?
Где ясный стан? Где прямизна речей, –
Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой,
Железный пух в морозной крутят тяге,
С голуботвердой чокаясь рекой.
Ему пространств инакомерных норы,
Их близких, их союзных голоса,
Их внутренних ристалищные споры
Представились в полвека, в полчаса.
И вдруг открылась музыка в засаде,
Уже не хищницей лиясь из-под смычков,
Не ради слуха или неги ради:
Лиясь для мышц и бьющихся висков!
Лиясь для ласковой, только что снятой, маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.
Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот:
Сон, в оболочке сна, внутри которой снилось,
На полшага продвинуться вперед!
А посреди толпы, задумчивый, брадатый,
Уже стоял гравер, друг меднохвойных доск,
Трехъярой окисью облитых в лоск покатый,
Накатом истины сияющих сквозь воск.
Как будто я повис на собственных ресницах
В толпокрылатом воздухе картин

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Тех мастеров, что насаждают в лицах

Подарок зрения и многолюдства чин!

январь 1934.

2

Ему кавказские кричали горы
И нежных Альп стесненная толпа,
На звуковых громад крутые всхоры
Его ступала зрячая стопа.
И европейской мысли разветвленье
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явленья,
А Лия пела и плела венки.

январь 1934.

3

Откуда привезли? Кого? Который умер?
Где <...>? Мне что-то невдомек.
Скажите, говорят, какой-то гоголь умер.
Не гоголь, так себе, писатель-гоголек.
Тот самый, что тогда невнятицу устроил,
Чего-то шустрился, довольно уж легок,
О чем-то позабыл, чего-то не усвоил,
Затеял кавардак, перекрутил снежок.
Молчит, как устрица, на полтора аршина
К нему не подойти – почетный караул.
Тут что-то кроется, должно быть, есть причина.
<...> напутал и уснул.

январь 1934.

* * *

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч!
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь.
Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры: на, возьми!

Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми.
Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков:
В теплом теле ребрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.
Взмахом бровки мечен путь опасный.
Что же мне, как янычару, люб
Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ?..
Не серчай, турчанка дорогая:
Я с тобой в глухой мешок зашыюсь,
Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.
Ты, Мария, – гибнущим подмога,
Надо смерть предупредить – уснуть.
Я стою у твердого порога.
Уходи. Уйди. Еще побудь..
Февраль 1934. Москва

* * *

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.
Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.
Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком да кровавым песком.
Ну а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.
<Февраль> 1934.

ЧЕРНОЗЕМ
Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, –
Комочки влажные моей земли и воли..

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
В дни ранней пахоты черна до синевы,

И безоружная в ней зиждется работа –

Тысячехолмия распаханной молвы:

Знать, безокружное в окружности есть что-то.

И все-таки, земля – проруха и обух.

Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай:

Гниющей флейтою настраживает слух,

Кларнетом утренним зазябливает ухо...

Как на лемех приятен жирный пласт,

Как степь молчит в апрельском провороте!

Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаст...

Черноречивое молчание в работе.

Апрель 1935, Воронеж.

* * *

Я должен жить, хотя я дважды умер,

А город от воды ополоумел:

Как он хорош, как весел, как скуласт,

Как на лемех приятен жирный пласт,

Как степь молчит в апрельском повороте

А небо, небо – твой Буонаротти...

Апрель 1935.

* * *

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:

Уронишь ты меня иль проворонишь,

Ты выронишь меня или вернешь –

Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...

Апрель 1935, Воронеж.

* * *

Я живу на важных огородах.

Ванька-ключник мог бы здесь гулять.

Ветер служит даром на заводах,

И далеко убегает гать.

Чернопахотная ночь степных закраин

В мелкобисерных иззябла огоньках.

За стеной обиженный хозяин

Ходит- бродит в русских сапогах.

и богато искривилась половица –
Этой палубы гробовая доска.

У чужих людей мне плохо спится
И своя-то жизнь мне не близка.

Апрель 1935, Воронеж

* * *

Наушники, наушнички мои!

Попомню я воронежские ночки:

Недопитого голоса Аи

И в полночь с Красной площади гудочки...

Ну, как метро? Молчи, в себе таи,

Не спрашивай, как набухают почки,

А вы, часов кремлевские бои, –

Язык пространства, сжатого до точки...

Апрель 1935, Воронеж.

* * *

Это какая улица?

Улица Мандельштама.

Что за фамилия чортова –

Как ее ни вывертывай,

Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного.

Нрава он не был лилейного,

И потому эта улица

Или, верней, эта яма

Так и зовется по имени

Этого Мандельштама...

Апрель 1935, Воронеж.

СКРИПАЧКА

За Паганини длиннопалым

Бегут цыганскою гурьбой –

Кто с чохом чех, кто с польским балом,

А кто с венгерской чемчурой.

Девчонка, выскочка, гордячка,

Чей звук широк, как Енисей, –

Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка,
Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка.
Утешь меня Шопеном чалым,
Серьезным Брамсом, нет, постой:
Парижем, мощно- одичалым,
Мучным и потным карнавалом
Иль брагой вены молодой –
Вертлявой, в дирижерских фрачках,
В дунайских фейерверках, скачках
Иль вальс из гроба в колыбель
Переливающей, как хмель.
Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту,
Три чорта было – ты четвертый,
Последний чудный чорт в цвету.
Апрель – июнь 1935. Воронеж
* * *
От сырой простыни говорящая –
Знать, нашелся на рыб звукопас –
Надвигалась картина звучащая
На меня и на всех, и на вас...
Начихав на кривые убыточки,
С папирской смертельной в зубах,
Офицеры последней выточки –
На равнины зияющий пах...
Было слышно гудение низкое
Самолетов, сгоревших дотла,
Лошадиная бритва английская
Адмиральские щеки скребла.
Измеряй меня, край, перекраивай –
Чуден жар прикрепленной земли! –
Захлестнулась винтовка Чапаева:

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Помоги, развяжи, раздели!..

Май – июнь 1935, Воронеж

* * *

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток
Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах.
Сон был больше, чем слух, слух был старше, чем сон, – слитен, чуток,
А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах.
День стоял, о пяти головах, и, чумея от пляса,
Ехала конная, пешая шла черноверхая масса –
Расширеньем аорты могущества в белых ночах – нет, в ножах –
Глаз превращался в хвойное мясо.
На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!
Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?
Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов –
Молодые любители белозубых стихков.
На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!
Поезд шел на Урал. В открытые рты нам
Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой..
За бревенчатым тыном, на ленте простынной
Умереть и вскочить на коня своего!
Июнь 1935, Воронеж.

КАМА

I.

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.
В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.
Упиралась вода в сто четыре весла –
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.
Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
И со мною жена пять ночей не спала,

Пять ночей не спала, трех конвойных везла.

Воронеж, май, 1935

II. [Вариант]

Как на Кама-реке глазу тёмно, когда

На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,

Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла,

Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Чернолюдем велик, мелколесьем сожжен

Пулеметно-бревенчатой стаи разгон.

На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту.

И речная верста поднялась в высоту.

Воронеж, май, 1935

III.

Я смотрел, отдаляясь на хвойный восток,

Полноводная Кама неслась на буюк.

И хотелось бы гору с костром отслоить,

Да едва успеваешь леса посолить.

И хотелось бы тут же вселиться, пойми,

В долговечный Урал, населенный людьми,

И хотелось бы эту безумную гладь

В долгополой шинели беречь, охранять.

Воронеж, май 1935.

* * *

Лишив меня морей, разбега и разлета

И дав стопе упор насильственной земли,

Чего добились вы? Блестящего расчета:

Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Воронеж.

СТАНСЫ

1

я не хочу средь юношей тепличных

Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу – и люди хороши.

2

Люблю шинель красноармейской складки –
Длину до пят, рукав простой и гладкий
И волжской туче родственный покррой,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

3

Проклятый шов, нелепая затея
Нас разлучили, а теперь – пойми:
Я должен жить, дыша и большевея
И перед смертью хорошея –
Еще побыть и поиграть с людьми!

4

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме!
Клевещущих козлов не досмотрел я драки:
Как петушок в прозрачной летней тьме –
Харчи да харк, да что-нибудь, да враки –
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.

5

И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка:
Нежнее моря, путаней салата –
Из дерева, стекла и молока...

6

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandelstamjoseph.ru
Моя страна со мною говорила,

Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила и вдруг, как чечевица,
Адмиралтейским лучиком зажгла.

7

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь – сам друг, –
Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню все: немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.

8

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о Полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!
Май – июнь 1935. Воронеж.

СТРИЖКА ДЕТЕЙ

Еще мы жизнью полны в высшей мере,
Еще гуляют в городах Союза
Из мотыльковых, лапчатых материй
Китайчатые платица и блузы.
Еще машинка номер первый едко
Каштановые собирает взятки,
И падают на чистую салфетку
Разумные, густеющие прядки.
Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не очумила,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые, лиловые чернила.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
24 мая 1935, Воронеж.

* * *

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну –
я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну:
Позвоночное, обугленное тело,
Осознавшее свою длину.
Возгласы темно-зеленой хвои,
С глубиной колодезной венки
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки –
Обручи краснознаменной хвои,
Азбучные, круглые венки!
Шли товарищи последнего призыва
По работе в жестких небесах,
Пронесла пехота молчаливо
Восклицанья ружей на плечах.
И зенитных тысячи орудий –
Карих то зрачков иль голубых –
Шли нестройно – люди, люди, люди –
Кто же будет продолжать за них?
21 июля 1935. Воронеж.

* * *

На мертвых ресницах Исакий замерз
И барские улицы сини –
Шарманщика смерть, и медведицы ворс
И чужие поленья в камине.
Уже выгоняет выжлятник-пожар
Линеек раскидистых стайку,
Несется земля – мебелированный шар, –
И зеркало корчит всезнайку.
Площадками лестниц – разлад и туман,
Дыханье, дыханье и пенье,
И Шуберта в шубе застыл талисман –

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Движенье, движенье, движенье..

3 июня 1935, Воронеж.

* * *

Возможна ли женщине мертвой хвала?

Она в отчуждении и силе,

Ее чужелюбая власть привела

К насильственной жаркой могиле.

И твердые ласточки круглых бровей

Из гроба ко мне прилетели

Сказать, что они отлежались в своей

Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,

От шейки её хорошея,

И ты раскрывала свой маленький рот,

Смеясь, итальянясь, русея..

Я тяжкую память твою берегу –

Дичок, медвежонок, Миньона, –

Но мельниц колеса зимуют в снегу,

И стынет рожок почтальона.

3 июня 1935 – 14 декабря 1936, Воронеж

* * *

Римских ночей полновесные слитки,

Юношу Гете манившее лоно, –

Пусть я в ответе, но не в убытке:

Есть многодонная жизнь вне закона.

Июнь 1935. Воронеж.

* * *

Бежит волна – волной волне хребет ломая,

Кидаясь на луну в невольничьей тоске,

И янычарская пучина молодая,

Неусыпленная столица волновая,

Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый

Неначатой стены мерещатся зубцы,

И с пенных лестниц падают солдаты

Султанов мнительных – разбрызганы, разъяты –

И яд разносят хладные скопцы.

Июль 1935. Воронеж.

* * *

Исполню дымчатый обряд:

В опале предо мной лежат

Морского лета земляники –

Двуискренние сердолики

И муравьиный брат – агат.

Но мне милей простой солдат

Морской пучины – серый, дикий,

Которому никто не рад.

Июль 1935. Воронеж.

* * *

Из-за домов, из-за лесов,

Длинней товарных поездов,

Гуди, помощник и моих трудов,

Садко заводов и садов.

Гуди, старик, дыши сладко.

Как новгородский гость Садко,

Под синим морем глубоко,

Гуди протяжно вглубь веков,

Гудок советских городов.

6–9 декабря 1936. Воронеж

РОЖДЕНИЕ УЛЫБКИ

Когда заулыбается дитя

С развилкой и горести и сласти,

Концы его улыбки, не шутя,

Уходят в океанское безвластье.

Ему невыразимо хорошо,

Углами губ оно играет в славе –

И радужный уже строчится шов

Для бесконечного познания яви.

На лапы из воды поднялся материк –

Улитки рта наплыв и приближение, –

И бьет в глаза один атлантов миг:

Явленья явного в число чудес вселенья.

И цвет и вкус пространство потеряло.

Хребтом и аркою поднялся материк,

Улитка выползла, улыбка просияла,

Как два конца их радуга связала

И в оба глаза бьет атлантов миг.

9 – 11 декабря 1936 – 11 января 1937. Воронеж

* * *

Не у меня, не у тебя – у них

Вся сила окончаний родовых:

Их воздухом поющ тростник и скважист,

И с благодарностью улитки губ людских

Потянут на себя их дышащую тяжесть.

Нет имени у них. Войди в их хрящ –

И будешь ты наследником их княжеств.

И для людей, для их сердец живых,

Блуждая в их развилинах, извивах,

Изобразишь и наслажденья их,

И то, что мучит их, – в приливах и отливах.

9 – 27 декабря 1936. Воронеж

* * *

Нынче день какой-то желторотый –

Не могу его понять –

И глядят приморские ворота

В якорях, в туманах на меня...

Тихий, тихий по воде линиялой

Ход военных кораблей,

И каналов узкие пеналы

Подо льдом еще черней.

9 – 28 декабря 1936. Воронеж

* * *

Детский рот жует свою мякину,

Улыбается, жуя,

Словно щеголь, голову закину

И щегла увижу я.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Хвостик лодкой, перья черно-желты,

И нагрудник красным шит,
Черно-желтый, до чего щегол ты,
До чего ты щегловит!

1936. Воронеж.

«Детский рот жует свою мякину...» [Вариант]

Детский рот жует свою мякину,
Улыбается, жуя,
Словно щеголь, голову закину,
И щегла увижу я –
Он распрыгался черничной дробью,
Мечет бусинками глаз –
Я откликнусь моему подобью, –
Жить щеглу: вот мой указ!

1936.

* * *

Мой щегол, я голову закину –
Поглядим на мир вдвоем:
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?
Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит,
Сознаешь ли – до чего щегол ты,
До чего ты щегловит?
Что за воздух у него в надлобье –
Черн и красен, желт и бел!
В обе стороны он в оба смотрит – в обе! –
Не посмотрит – улетел!

декабрь 1936. Воронеж

* * *

Когда щегол в воздушной сдобе
Вдруг затрясется, сердцевит, –
Ученый плащик перчит злоба,
А чепчик – черным красовит.
Клевещет жердочка и планка,

Клевещет клетка сотней спиц,
И все на свете наизнанку,
И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц!
Декабрь 1936. Воронеж

* * *

Внутри горы бездействует кумир
В покоях бережных, безбрежных и хранимых,
А с шеи каплет ожерелий жир,
Оберегая сна приливы и отливы.
Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.
Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи,
Он улыбается своим широким ртом,
Он мыслит костию и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человеческий.
Декабрь 1936. Воронеж

[Вариант]

Внутри горы бездействует кумир
С улыбкою дитяти в черных сливах
И с шеи каплет ожерелий жир,
Оберегая сна приливы и отливы,
Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.
И странно скрещенный – завязанный узлом
Стыда и нежности, бесчувствия и кости,
Он улыбается своим широким ртом
И начинает жить, когда приходят гости.
1936. Воронеж

* * *

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.
Вы, именитые вершины,
Дубов косматых именины, –
Честь рюисдалевых картин, –
А на почин лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин.
Земля бежит вверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.
Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво..
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея.
А Дон еще, как полукровка,
Сребрясь и мелко и неловко,
Воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа,
Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья–бражники шумели..
15–27 декабря 1936. Воронеж

* * *

Сосновой рощицы закон:
Виол и арф семейный звон.
Стволы извилисты и голы,

Но все же – арфы и виолы
Растут, как будто каждый ствол
На арфу начал гнуть Эол
И бросил, о корнях жалея,
Жалея ствол, жалея сил,
Виолу с арфой пробудил
Звучать в коре, коричневая.
16–18 декабря 1936. Воронеж.

* * *
Эта область в темноводье –
Хляби хлеба, гроз ведро –
Не дворянское угодые –
Океанское ядро.
Я люблю ее рисунок –
Он на Африку похож.
Дайте свет – прозрачных лунок
На фанере не сочтешь.
– Анна, Россось и Гремячье, –
Я твержу их имена,
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.
Я кружил в полях совхозных –
Полон воздуха был рот,
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел цны – реки обычной –
Белый– белый бел покров.
Трудодень страны знакомой
Я запомню навсегда,
Воробьевского райкома
Не забуду никогда.
Где я? Что со мной дурного?

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Степь беззимняя гола.

Это мачеха Кольцова,
Шутишь: родина щегла!
Только города немного
В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор..
В гуще воздуха степного
Перекличка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.
Декабрь 1936. Воронеж

«Шло цепочкой в темноводье...» [Вариант]

Шло цепочкой в темноводье
Протяженных гроз ведро
Из дворянского угожья
В океанское ядро..
Шло, само себя колыша,
Осторожно, грозно шло.
Смотришь: небо стало выше –
Новоселье, дом и крыша
И на улице светло!
26 декабря 1936. Воронеж
* * *
Вехи дальнего обоза
Сквозь стекло особняка.
От тепла и от мороза
Близкой кажется река.
И какой там лес – еловый?
Не еловый, а лиловый,
И какая там береза,
Не скажу наверняка –
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
26 декабря 1936. Воронеж

* * *

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима:
я люблю ее сначала
Неуверенный размах.
Хороша она испугом,
Как начало грозных дел, –
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.
Но сильней всего непрочно –
Выпуклых голубизна:
Полукруглый лед височный
Речек, бающих без сна...
20–30 декабря 1936. Воронеж

* * *

Оттого все неудачи,
Что я вижу пред собой
Ростовщичий глаз кошачий –
Внук он зелени стоячей
И купец травы морской.
Там, где огненными щами
Угощается Кашей,
С говорящими камнями
Он на счастье ждет гостей –
Камни трогает клещами,
Щиплет золото гвоздей.
У него в покоях спящих
Кот живет не для игры –
У того в зрачках горящих
Клад зажмуренной горы,
И в зрачках тех леденящих,
Умоляющих, просящих,
Шароватых искр пиры.
20–30 декабря 1936. Воронеж

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru

* * *

Твой зрачок в небесной корке,

Обращенной вдаль и ниц,

Защищают оговорки

Слабых, чующих ресниц.

Будет он обожествленный

Долго жить в родной стране –

Омут ока удивленный, –

Кинь его вдогонку мне.

Он глядит уже охотно

В мимолетные века –

Светлый, радужный, бесплотный,

Умоляющий пока.

2 января 1937. Воронеж

* * *

Улыбнись, ягненок гневный, с рафаэлева холста, –

На холсте уста вселенной, но она уже не та:

В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль,

В синий, синий цвет синели океана въелась соль.

Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,

Складки бурного покоя на коленях разлиты.

На скале, черствее хлеба – молодых тростинки рощ,

И плывет углами неба восхитительная мощь.

9 января 1936, Воронеж

* * *

Когда в ветвях понурых

Заводит чародей

Гнедых или каурых

Шушуканье мастей, –

Не хочет петь линючий,

Ленивый богатырь –

И малый, и могучий

Зимующий снегирь, –

Под неба нависанье,

Под свод его бровей

В сиреневые сани

Усядусь поскорей.

6 – 10 января 1937 Воронеж

* * *

Я около Кольцова

Как сокол закольцован,

И нет ко мне гонца,

И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан

Сосновый синий бор,

Как вестник без указа

Распахнут кругозор.

В степи кочуют кочки,

И все идут, идут

Ночлеги, ночи, ночки –

Как бы слепых везут.

1–9 января 1937. Воронеж

* * *

Дрожжи мира дорогие –

Звуки, слезы и труды

Словно вмятины, впервые

Певчей полные воды.

Подкопытные наперстки,

Бега сжатого следы,

Раздают не по разверстке

На столетья, без слюды..

Брыжжет в зеркальцах дорога –

Утомленные следы

Постоят еще немного

Без покрова, без слюды.

И уже мое родное

Отлегло, как будто вкось

По нему прошло другое

И на нем отозвалось.

12 января 1937. Воронеж

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
«Дрожжи мира дорогие...» [Вариант]

Дрожжи мира дорогие:
Звуки, слезы и труды –
Ударенья дождевые
Закипающей беды
И потери звуковые –
Из какой вернуть руды?
В нищей памяти впервые
Чуешь вмятины слепые,
Медной полные воды, –
И идешь за ними следом,
Сам себе немил, неведом –
И слепой и поводырь..
12–18 января 1937. Воронеж

* * *

Влез бесенок в мокрой шёрстке –
Ну, куда ему, куды? –
В подкопытные наперстки,
В торопливые следы:
По копейкам воздух версткий
Обирает с слободы.
Брызжет в зеркальцах дорога –
Торопливые следы
Постоят еще немного
Без покрова, без слюды..
Колесо стучит отлого –
Улеглось – и полбеда!
Скучно мне: мое прямое
Дело тараторит вкось –
По нему прошло другое,
Надсмеялось, сбило ось.
12–18 января 1937. Воронеж

* * *

Еще не умер я, еще я не один,
Покуда с нищенкой-подругой

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Я наслаждаюсь величием равнин

И мглой, и холодом, и вьюгой.

В прекрасной бедности, в роскошной нищете

Живу один – спокоен и утешен –

Благословенны дни и ночи те,

И сладкозвучный труд безгрешен.

Несчастен тот, кого, как тень его,

Пугает лай и ветер косит,

И беден тот, кто, сам полуживой,

У тени милостыни просит.

январь 1937. Воронеж

* * *

«Еще не умер ты, еще ты не один...» [Вариант]

Еще не умер ты, еще ты не один,

Покуда с нищенкой-подругой

Ты наслаждаешься величием равнин

И мглой, и голодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете

Живи спокоен и утешен.

Благословенны дни и ночи те,

И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,

Пугает лай собак и ветер косит,

И беден тот, кто сам полуживой

У тени милостыни просит.

январь 1937. Воронеж

* * *

В лицо морозу я гляжу один:

Он – никуда, я – ниоткуда,

И все уютится, плоится без морщин

Равнины дышащее чудо.

А солнце щурится в крахмальной нищете –

Его прищур спокоен и утешен...

Десятизначные леса – почти что те...

А снег хрустит в глазах, как чистый хлеб безгрешен.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
16 января 1937. Воронеж

* * *

О, этот медленный, одышливый простор! –
Я им пресыщен до отказа, –
И отдышавшийся распахнут кругозор –
Повязку бы на оба глаза!
Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы:
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы.
Я б с ней сработался – на век, на миг один –
Стремнин осадистых завистник, –
Я б слушал под корой текущих древесин
Ход кольцеванья волокнистый..

16 января 1937. Воронеж

* * *

Что делать нам с убитостью равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая, зрим,
И все растет вопрос: куда они, откуда
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, –
Народов будущих Иуда?

16 января 1937. Воронеж

* * *

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.
Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался в путь, и плывал по дуге
Неначинающихся путешествий.
Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает

От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

18 января 1937. Воронеж

* * *

Я нынче в паутине световой –
Черноволосой, светло-русой, –
Народу нужен свет и воздух голубой,
И нужен хлеб и снег Эльбруса.
И не с кем посоветоваться мне,
А сам найду его едва ли:
Таких прозрачных, плачущих камней
Нет ни в Крыму, ни на Урале.
Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льнянокудрю каштановой волной –
Его дыханьем – умывался.

19 января 1937. Воронеж

* * *

Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей – скалы подспорье и пособие?
А коршун где – и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?
Тому не быть: трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы –
Но эти губы вводят прямо в суть
Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба.
Он эхо и привет, он вежа, нет – лемех.
Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех –
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

19 января – 14 февраля 1937. Воронеж

* * *

Как землю где-нибудь небесный камень будит,
Упал опальный стих, не знающий отца.
Неумолимое – находка для творца –

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Не может быть иным, никто его не судит.

20 января 1937. Воронеж

* * *

Слышу, слышу ранний лед,

Шелестящий под мостами,

Вспоминаю, как плывет

Светлый хмель над головами.

С черствых лестниц, с площадей

С угловатыми дворцами

Круг Флоренции своей

Алигьери пел мощней

Утомленными губами.

Так гранит зернистый тот

Тень моя грызет очами,

Видит ночью ряд колод,

Днем казавшихся домами.

Или тень баклуши бьет

И позевывает с вами,

Иль шумит среди людей,

Греясь их вином и небом,

И несладким кормит хлебом

Неотвязных лебедей.

21–22 января 1937. Воронеж

* * *

Люблю морозное дыханье

И пара зимнего признание:

Я – это я, явь – это явь...

И мальчик, красный как фонарик,

Своих салазок государик

И заправила, мчится вплавь.

И я – в размолвке с миром, с волей –

Заразе саночек мирволю –

В серебристых скобках, в бахромах, –

И век бы падал векши легче,

И легче векши к мягкой речке, –

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Полнеба в валенках, в ногах...

24 января 1937. Воронеж

* * *

Средь народного шума и спеха
На вокзалах и площадях
Смотрит века могучая веха
И бровей начинается взмах.
Я узнал, он узнал, ты узнала,
А теперь куда хочешь влеки –
В говорливые дебри вокзала,
В ожиданье у мощной реки.
Далеко теперь та стоянка,
Тот с водой кипяченой бак,
На цепочке кружка-жестянка
И глаза застилавший мрак.
Шла пермяцкого говора сила,
Пассажирская шла борьба,
И ласкала меня и сверлила
От стены этих глаз журьба.
Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах,
И в товарищах реках и чащах,
И в товарищах городах...
Не припомнить того, что было:
Губы жарки, слова черствы –
Занавеску белую било,
Несся шум железной листвы.
А на деле-то было тихо,
Только шел пароход по реке,
Да за кедром цвела гречиха,
Рыба шла на речном говорке.
И к нему, в его сердцевину
я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел...

Февраль 1937. Воронеж

* * *

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери
И утверждать, что бытие будет
И что народ, как судия, судит, –
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б, –
я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И раскачав в колокол стан голый,
И разбудив вражеской тьмы угол,
я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом,
и, в океан братских очей сжатый,
я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы,
и в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи,
и промелькнет пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
Но на земле, что избежит тленья,
Будет губить разум и жизнь Сталин.
Воронеж, 1937

* * *

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок..
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? –
и хочется мычать от всех замков и скрепок.
и переулков лающих чулки,
и улиц перекошенных чуланы –
и прячутся поспешно в уголки,
и выбегают из углов угланы..

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке –
А я за ними ахаю, стуча
В какой-то мерзлый деревянный короб:
– Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!
Конец января – февраль 1937. Воронеж
* * *
Обороняет сон мою донскую сонь,
И разворачиваются черепах маневры –
Их быстроходная, взволнованная бронь
И любопытные ковры людского говора...
И в бой меня ведут понятные слова –
За оборону жизни, оборону
Страны – земли, где смерть уснет, как днем сова...
Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными.
Необоримые кремлевские слова –
В них оборона обороны
И брони боевой – и бровь, и голова
Вместе с глазами полюбовно собраны.
И слушает земля – другие страны – бой,
Из хорового падающий короба:
– Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой, –
И хор поет с часами рука об руку.
13 февраля 1937. Воронеж

* * *
Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
Но резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозой спят.
Простишь ли ты меня, великолепный брат
И мастер и отец черно-зеленой теми, –

Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смущают не к добру, смущают без добра
Мехами сумрака взволнованное племя.

8 февраля 1937. Воронеж

* * *
Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен, –
Я с вами разлучен, вас оценив едва:
Длинней органных фуг, горька морей трава –
Ложноволосяя – и пахнет долгой ложью,
Железной нежностью хмелеет голова,
И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...
Что ж мне под голову другой песок подложен?
Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье
Иль этот ровный край – вот все мои права, –
И полной грудью их вдыхать еще я должен.

8 февраля 1937. Воронеж.

* * *
Еще он помнит башмаков износ –
Моих подметок стертые величье,
А я – его: как он разноголос,
Черноволок, с Давид-горой гранича.
Подновлены мелком или белком
Фисташковые улицы-пролазы:
Балкон-наклон-подкова-конь-балкон,
Дубки, чинары, медленные вязы..
А букв кудрявых женственная цепь
Хмельней для глаза в оболочке света, –
А город так горазд и так уходит в крепь
И в моложавое, стареющее лето.

7 – 11 февраля 1937. Воронеж

* * *
Пою, когда гортань сыра, душа – суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание:

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
Здорово ли вино? Здоровы ли меха?

Здорово ли в крови Колхиды колыханье?

А грудь стесняется, – без языка – тиха:

Уже не я пою – поет мое дыханье –

И в горных ножнах слух, и голова глуха...

Песнь бескорыстная – сама себе хвала:

Утеха для друзей и для врагов – смола.

Песнь одноглазая, растущая из мха, –

Одноголосый дар охотничьего быта, –

Которую поют верхом и на верхах,

Держа дыханье вольно и открыто,

Заботясь лишь о том, чтоб честно и сердито

На свадьбу молодых доставить без греха.

8 февраля 1937. Воронеж

* * *

Вооруженный зреньем узких ос,

Сосущих ось земную, ось земную,

Я чую все, с чем свидетелься пришлось,

И вспоминаю наизусть и всуе.

И не рисую я, и не пою,

И не вожу смычком черноголосым:

Я только в жизнь впиваюсь и люблю

Завидовать могучим, хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло

Заставить – сон и смерть минуя –

Стрекало воздуха и летнее тепло

Услышать ось земную, ось земную..

8 февраля 1937. Воронеж

* * *

Были очи острее точимой косы –

По зегзице в зенице и по капле росы, –

И едва научились они во весь рост

Различать одинокое множество звезд.

8–9 февраля 1937. Воронеж

* * *

Как дерево и медь – Фаворского полет, –

В дощатом воздухе мы с временем соседи,
И вместе нас ведет слоистый флот
Распиленных дубов и яворовой меди.
А в кольцах сердится еще смола, сочась,
Но разве сердце – лишь испуганное мясо?
Я сердцем виноват – и сердцевины часть
До бесконечности расширенного часа.
Час, насыщающий бесчисленных друзей,
Час грозных площадей с счастливыми глазами...
Я обведу еще глазами площадь всей
Этой площади с ее знамен лесами.

9 – 11 февраля 1937. Воронеж

* * *

Я в львиный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже
Под этих звуков ливень дрожжевой –
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.
Как близко, близко твой подходит зов –
До заповедей роды и первины –
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины.
Карающего пеня материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Всех наших дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего – праматери – мизинца.
Неограниченна еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.

12 февраля 1937. Воронеж

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ

1

Этот воздух пусть будет свидетелем,
Дальнобойное сердце его,

И в землянках всеядный и деятельный
Океан без окна – вещество..
До чего эти звезды изветливы!
Все им нужно глядеть – для чего?
В осуждение судьи и свидетеля,
В океан без окна, вещество.
Помнит дождь, неприветливый сеятель, –
Безымянная манна его, –
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.
Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.
Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать.
И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет.
3 марта 1937, Воронеж.

2

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами –
Растяжимых созвездий шатры,
Золотые созвездий жиры..

3

Сквозь эфир десятично-означенный

Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молью нулей.
А за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлем,
Весть летит светопыльной дорогою,
И от битвы вчерашней светло.
Весть летит светопыльной дорогою:
– Я не Лейпциг, не Ватерлоо,
Я не Битва Народов, я новое,
От меня будет свету светло.
В глубине черно-мраморной устрицы
Аустерлица погас огонек –
Средиземная ласточка щурится,
Вязнет чумный Египта песок.

4

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей,
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.
Миллионы убитых задешево
Притоптали тропу в пустоте, –
Доброй ночи! всего им хорошего
От лица земляных крепостей!
Неподкупное небо окопное –
Небо крупных оптовых смертей, –
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте –
За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных – пасмурный, оспенный
И приниженный – гений могил.

5

Хорошо умирает пехота,
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка,
И над птичьим копьем Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружит с человеком калека –
Им обоим найдется работа,
И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка, –
Эй, товарищество, шар земной!

6

Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб – от виска до виска, –
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается череп от жизни
Во весь лоб – от виска до виска, –
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится, –
Чаша чаш и отчизна отчизне,
Звездным рубчиком шитый чепец,
Чепчик счастья – Шекспира отец...

7

Ясность ясеневая и зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Словно обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.
Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный –
Это слава другим не в пример.
Для того ль заготовлена тара

Обаянья в пространстве пустом,
чтобы белые звезды обратно
чуть-чуть красные мчались в свой дом?
И сознание свое заговаривая
Полубморочным бытием,
я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?
Чуешь, мачеха звездного табора –
ночь, что будет сейчас и потом?

8

Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом,
я рожден в девяносто втором... –
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья – с гурьбой и гуртом,
я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
января в девяносто одном
Ненадежном году – и столетья
Окружают меня огнем.
Февраль – март 1937. Воронеж
* * *
Я прошу, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости,
Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградарей в их разгородках марлевых.
В легком декабре твой воздух стриженный
Индевет – денежный, обиженный..
Но фиалка и в тюрьме: с ума сойти в безбрежности!
Свищет песенка – насмешница, небрежница, –
Где бурлила, королей смывая,
Улица июльская кривая..
А теперь в Париже, в Шартре, в Арле

Государит добрый Чаплин Чарли –
В океанском котелке с рассеянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей..
Там, где с розой на груди, в двухбашенной испарине
Паутины каменеет шаль,
Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша, –
Наклони свою шею, безбожница
С золотыми глазами козы,
И кривыми картавыми ножницами
Купы скаредных роз раздражи.

3–7 марта 1937. Воронеж

* * *

Я видел озеро, стоящее отвесно, –
С разрезанною розой в колесе
Играли рыбы, дом построив пресный.
Лиса и лев боролись в челноке.
Глазели внутрь трех лающих порталов
Недуги – недруги других невоскрытых дуг.
Фиалковый пролет газель перебежала,
И башнями скала вздохнула вдруг, –
И, влагой напоен, восстал песчаник честный,
И средь ремесленного города-сверчка
Мальчишка-океан встает из речки пресной
И чашками воды швыряет в облака.

4–7 марта 1937. Воронеж

* * *

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной, –
Втридорога снегом занесенной,
Высоко занесся санный, сонный
Полу- город, полу- берег конный,
В сбрую красных углей запряженный,
Желтою мастикой утепленный
И перегоревший в сахар жженный.

Не ищи в нем зимних масел рая,
Конькобежного фламандского уклона,
Не раскаркается здесь веселая, кривая,
Карличья в ушастых шапках стая, –
И, меня сравнением не смущая,
Срежь рисунок мой, в дорогу дальнюю влюбленный,
Как сухую, но живую лапу клена
Дым уносит, на ходулях убегая...

6 марта 1937. Воронеж

* * *

Я скажу это начерно, шопотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.
И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище –
Раздвижной и прижизненный дом.
9 марта 1937. Воронеж

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Небо вечера в стену влюбилось, –
Все изранено светом рубцов –
Провалилось в нее, осветилось,
Превратилось в тринадцать голов.
Вот оно – мое небо ночное,
Пред которым как мальчик стою:
Холодеет спина, очи ноют.
Стенобитную твердь я ловлю –
И под каждым ударом тарана
Осыпаются звезды без глав:
Той же вечера новые раны –
Неоконченной росписи мгла...
9 марта 1937. Воронеж

* * *

Заблудился я в небе – что делать?

Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.
Не разнять меня с жизнью: ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, глаза и глазницы
Флорентийская била тоска.
Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски...
И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире и выше –
Отклик неба во всю мою грудь.
9 – 19 марта 1937. Воронеж

«Заблудился я в небе – что делать...» [Вариант]

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно близко, – ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задышаться, чернеть, голубеть.
Если ты не вчерашний, не зряшный, –
Ты, который стоишь надо мной,
Если ты виночерпий и чашник –
Дай мне силу без пены пустой
Выпить здравье кружащейся башни –
Рукопашной лазури шальной.
Голубятни, черноты, скворешни,
Самых синих тонов образцы, –
Лед вчерашний, лед выше! – лед вешний,
Облака, обаянья борцы, –
Тише: тучу ведут под уздцы.

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
9 – 19 марта 1937. Воронеж

* * *

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя –
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.
Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный луч-паучок,
Распуская на ребра, их сызнава
Собирает в единый пучок.
Чистых линий пучки благодарные,
Собираемы тонким лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом, –
Только здесь, на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, –
Только их не спугнуть, не изранить бы –
Хорошо, если мы доживем..
То, что я говорю, мне прости..
Тихо-тихо его мне прочти..
15 марта 1937. Воронеж

РИМ

Где лягушки фонтанов, расквакавшись
И разбрызгавшись, больше не спят
И, однажды проснувшись, расплакавшись,
Во всю мочь своих глоток и раковин
Город, любящий сильным поддакивать,
Земноводной водою кропят, –
Древность летняя, легкая, наглая,
С хищным взглядом и плоской ступней,
Словно мост ненарушенный Ангела
В плоскоступьи над желтой водой, –
Голубой, онелепленный, пепельный,
В безобразном наросте домов –
Город, ласточкой купола лепленный

Из проулков и из сквозняков, –
Превратили в убийства питомник
Вы, коричневой крови наемники,
Италийские чернорубашечники,
Мертвых цезарей злые щенки...
Все твои, Микель Анджело, сироты,
Облаченные в камень и стыд, –
Ночь, сырая от слез, и невинный
Молодой, легконогий Давид,
И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит, –
Мощь свободная и мера львиная
В усыплении и рабстве молчит.
И морщинистых лестниц уступки –
В площадь льющихся лестничных рек, –
Чтоб звучали шаги, как поступки и,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных нег,
Как морские ленивые губки.
Ямы Форума заново вырыты
И раскрыты ворота для Ирода,
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.
16 марта 1937. Воронеж
* * *
Чтоб, приятель и ветра и капель,
Сохранил их песчаник внутри,
Нацарапали множество цапель
И бутылок в бутылках зари.
Украшался отборной собачиной
Египтян государственный стыд,
Мертвецов наделял всякой всячиной
И торчит пустячком пирамид.
То ли дело любимец мой кровный,

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Утешительно-грешный певец, –

Еще слышен твой скрежет зубовный,
Беззаботного права истец..
Размотавший на два завещанья
Слабовольных имуществ клубок
И в прощанье отдав, в верещанье
Мир, который как череп глубок;
Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучьи права
Наглый школьник и ангел ворующий,
Несравненный Виллон Франсуа.
Он разбойник небесного клира,
Рядом с ним незазорно сидеть:
И пред самой кончиною мира
Будут жаворонки звенеть.
18 марта 1937. Воронеж

КУВШИН
Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды, –
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.
Флейты свищут, клевещут и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном – и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.
21 марта 1937. Воронеж

* * *
О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.
А ты в кругу лучись –
Другого счастья нет –
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

А я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шёпотом лучу
Тебя, дитя, вручу...
Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шёпотом могуч
И лепетом согрет.

23 марта 1937. Воронеж

* * *

Гончарами велик остров синий –
Крит веселый, – запекся их дар
В землю звонкую: слышишь дельфиновых
Плавников их подземный удар?
Это море легко на помине
В осчастливленной обжигом глине,
И сосуда студеная власть
Раскололась на море и страсть.
Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд
И сосцами текучей богини
Напои обожженный сосуд.
Это было и пелось, синяя,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли «моя» и «мое».
Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда
И летучая рыба – случайность
И вода, говорящая «да».

Март 1937, Воронеж

* * *

Нереиды мои, нереиды,
Вам рыданья – еда и питье,
Дочерям средиземной обиды

Состраданье обидно мое.

Март 1937.

* * *

Флейты греческой тэта и йота –

Словно ей не хватало молвы –

Неизваянная, без отчета,

Зрела, маялась, шла через рвы.

И ее невозможно покинуть,

Стиснув зубы, ее не унять,

И в слова языком не продвинуть,

И губами ее не размять.

А флейтист не узнает покоя:

Ему кажется, что он один,

Что когда-то он море родное

Из сиреневых вылепил глин...

Звонким шепотом честолюбивым,

Вспоминающих топотом губ

Он торопится быть бережливым,

Емлет звуки – опрятен и скуп.

Вслед за ним мы его не повторим,

Комья глины в ладонях моря,

И когда я наполнился морем –

Мором стала мне мера моя...

И свои-то мне губы не любы –

И убийство на том же корню –

И неволью на убыль, на убыль

Равноденствие флейты клоню.

7 апреля 1937. Воронеж

* * *

Как по улицам Киева–Вия

Ищет мужа не знаю чья жинка,

И на щеки ее восковые

Ни одна не скатилась слезинка.

Не гадают цыганочки кралям,

Не играют в Купеческом скрипки,

На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.
Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
– Мы вернемся еще – разумеете!..

Май 1937. Воронеж

* * *
Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов –
Эту клятвопреступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.
Погляди, как я слепну и крепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?
А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочную выдумкой пар.

30 апреля [1937, Воронеж]

* * *
Клейкой клятвой пахнут почки,
Вот звезда скатилась:
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась.
– Подожди, – шепнула внятно
Неба половина,
И ответил шелест скатный:
– Мне бы только сына...
Стала б я совсем другою
Жизнью величаться.
Будет зыбка под ногою
Легкою качаться.
Будет муж прямой и дикий

Кротким и послушным,
Без него, как в черной книге,
Страшно в мире душном..
Подмигнув, на полуслове
Запнулась зарница.
Старший брат нахмурил брови,
Жалится сестрица.
Ветер бархатный крыластый
Дует в дудку тоже:
Чтобы мальчик был лобастый,
На двоих похожий.
Спросит гром своих знакомых:
– Вы, грома, слышали,
Чтобы грушу до черемух
Замуж выдавали?
Да из свежих одиночеств
Леса – крики пташья.
Свахи-птицы свищут почесть
Льстивую Наташе.
И к губам такие липнут
Клятвы, что по чести
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.
Все ее торопят часто:
– Ясная Наташа,
Выходи, за наше счастье,
За здоровье наше!

2 мая 1937. Воронеж

* * *

На меня нацелилась груша да черемуха –
Силою рассыпчатой бьет меня без промаха.
Кисти вместе с звездами, звезды вместе с листьями, –
Что за двоевластье там? В чьем соцветьи истина?
С цвету ли, с размаху ли бьет воздушно-белыми

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandel'shtamjoseph.ru
В воздух убиваемый кистенями целыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется – смешана, обрывчива.

4 мая 1937. Воронеж

* * *

«К пустой земле невольно припадая...»

<Стихи к Н. Штемпель>

I

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет – чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, кажется, что ясная догадка
В ее походке хочет задержаться –
О том, что эта вешняя погода
Для нас – прама-терь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.

II

Есть женщины сырой земле родные,
И каждый шаг их – гулкое рыданье,
Сопровождать умерших и впервые
Приветствовать воскресших – их призванье.
И ласки требовать от них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра только очертанье..
Что было поступь – станет недоступно..
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И все, что будет, – только обещанье.

4 мая 1937. Воронеж

Примечания

1 Слова утеряны.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Стихи 1930 – 1937. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshtamjoseph.ru
<http://mandelshtamjoseph.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!